

Содержание

Чуть светлей.....	3
Ничего человеческого.....	96
Пламень ярый.....	230
Уйти и вернуться.....	413
Чернее черного.....	449

Чуть светлей

*Ненавистью рожден, кровью вскормлен,
истину крепко усвоил – жизнь вечная дарится
в наказание. По делам, по мыслям,
по черным мечтам. Волокусь сквозь столетья,
костьями и пеплом дорогу к смерти мощу. Стучусь
в Преисподнюю, списком злодейств
и свершенных преступлений трясусь,
а в ответ слышу: «Ступай прочь,
ты слишком мало грешил». Оттого, видать,
и смеюсь, лаю, аки пес на луну,
щерю в усмешке пасть.
Неприкаян, себе противен, всеми отвержен,
свободой и проклятым бессмертием пьян.*

Дни костенели в безмолвии, порождая тени сомнений и робкие призраки старых надежд, раз за разом запуская бесконечную земную юдоль. Рух Бучила, известный праведник и местами едва ль не святой, валялся на заботливо притащенном сене и паялся в покрытый трещинами сводчатый потолок. Тьма рождала новую тьму, дымчатый зимний рассвет раз за разом угасал в розовых вспышках морозных закатов, навевая мысли о тщетности бытия. И ведь всего лишь хотел чутка подремать. Месяца три. Но сон упорно не шел. Рух пытался считать умильных

единорожиков, ворочался с боку на бок, залезал головой под подушку и надрывно вздыхал. Решившись на крайние меры, выполз из подземелья наверх и устроился в развалинах башни, продуваемой всеми ветрами и занесенной колючим снежком. Где-то слышал, будто на свежем воздухе спится лучшей. Ага, хер там бывал. А все от переживаний нервных и беспрестанных великих забот. Год выдался беспокойным даже по мерке обычно и без того сверхпоганных годов. Лето стояло испепеляюще жаркое: горели леса, тлели вонючим дымом торфяники, пересыхали реки, чернел на корню урожай. Спешно собранные из разного отребья команды бочками возили воду в поля, спасая главную ценность — хлеб. От жары людишки с размахом и фантазией сходили с ума. В Новгороде разорившемуся кузнецу видение снизошло, возомнилось ему, будто жара ниспослана по грехам нашим тяжким и к осени весь мир непременно сгорит в адском огне. Как оно водится, вокруг одного дурака быстренько организовались другие и нареклись церковью «Последнего пламени». Блондилось по городу, выли на папертях, пугали людей. Обещали скорый конец света, да не срослось. Осенью ливанули дожди, пророчество не сбылось, и обидевшийся на Бога кузнец затворился с паствой в молельной избе и запалил к чертям собачьим весь балаган. Живьем зажарились тридцать семь человек. Ага, а говорят век Просвещения грядет. Брешут, сукины дети. Как был народишко глуп, так будет и есть.

Случалось и похуже чего. Возле Олонца взялась шалить белоглазая чудь, банда нелюдей, рыльников в двести, попыталась взять нахрапом Важеозерский мужской монастырь, но монахи, успевшие затворить ворота, похватали оружие и отбили два приступа, дождавшись подхода драгунского полка графа Ланге. Чудь, не принявшая боя, растворилась в черных лесах, оставив солдатам разоренный посад: угли, пепел и куски человеческих тел. Погоня ничего не дала, и тогда полковник Ланге приказал истреблять чудские поселки. Пленных не брали. Ненависть разжигала ненависть, и не было ей конца.

В мире, по обыкновению, творилось неладное. Польша и Тевтонский орден, в прошлом году заключив очередной «вечный мир», в этом взялись за старое и устроили грязную приграничную заваруху, разорив без счета селищ и деревень, и, не преуспев на поле боя, затеяли безобразно препираться на папском суде, обвиняя друг дружку во всевозможных смертных грехах.

В Швеции, в лесах южнее озера Меларен, открылся Нарыв, выплеснув по примерным подсчетам тысяч десять всяких богомерзких тварищ. Жуткое полчище, уничтожая все на пути, дошло до Стокгольма, где и разбилось о стены укрепленной столицы. Новгородский сенат выказал королю Карлу безмерное сочувствие, но на деле все, от канцлера до распоследнего бедняка, радовались соседскому горю. Шведы впервые за последние лет двадцать не тревожили новгородских границ.

Османская империя вторглась в Египет и потерпела сокрушительное поражение при Тель-эль-Фараме. Армия Блистательной Порты бежала в ужасе, и султану Мехмеду II доложили, будто вместе с египетскими мамлюками в бой шли ожившие мертвецы. Султан не поверил рассказам, приказал казнить уцелевших как трусов и произнес историческую фразу: «Так пускай с мертвыми сражаются мертвецы...»

Рух Бучила отвлекся от раздумий о разной поганой политике, уловив тоненький перезвон. Звук шел со стороны Нелюдова, подзрительно напоминая перелив крохотных бубенцов. Ближе и ближе... А в этой стороне от села ничего больше нет, кроме Руховой Лысой горы, Гиблого леса и примороженных зимних полей. В Гиблые леса соваться дуриков нет, в полях только поземка метет, а значит, едут по его, Руха, истомленную бессмертием, незлобивую душу.

Рух нехотя поднялся с подстилки и высунул синий нос в разрушенную бойницу. Нестерпимо яркое декабрьское солнышко полоснуло глаза как ножом, и Бучила поспешно прикрыл лицо рукавом. Вокруг раскинулась искрящаяся белоснежная гладь, обрываясь на горизонте черной полосой дремлющих еловых чащоб. Село издали напоминало россыпь брошенных на снег угольков, избушки казались игрушечными, печной дым на морозе утекал в стылые васильковые небеса.

Золочеными всполохами сверкали кресты. От Нелюдова, поднимая снежные вихри, летел крытый возок, запряженный четверкой гнедых лошадей. В селе и окрестностях такого экипажа отродясь не бывало, знать, прибыл кто не простой и из дальних краев. По Бежецкому тракту в столицу и обратно полно гоняет богатых хлыщей, но чтобы на Лысую гору свернуть? Дивное диво.

Рух, предчувствуя гадость, запахнулся в драную шубу и винтовой лестницей поплелся вниз, осторожно переставляя ноги по обледеневшим ступеням. Зазеваешься, и хана, руки-ноги переломаешь, в штаны снега без меры набьешь, вылетишь кубарем, разве дело в таком виде гостей незваных встречать? Людишки грозу всякой нечисти, великого и ужасного Руха Бучилушку ждут, а тут сверзится откуда-ва ни возмись пугало, похожее на дерьмища мешок. Репутация первое дело. Потому остороженько. Шажок за шажком. И шубу, пока не видит никто, по-бабы поднять...

Успел вовремя. Только спустился, как из-под горки вылетели в клубах морозного тумана несущиеся во весь опор жеребцы, с храпом, фырканием и веселым перезвоном множества бубенцов.

— Эгей, тпру, залетные! — заорал могучего телосложения кучер в тулупе, возок лихо развернулся, подняв тучу блестящего снега, покачнулся, едва не завалившись набок, скрипнул полозьями и замер — красивый, нарядный, украшенный затейливыми вензелями и намерзшей ледяной бахромой.

— Приехали, барин! — Кучер ударил рукавицей по стенке возка и принялся обдирать сосульки с усов, искося посматривая на Бучилу, решившего на всякий случай остаться в тени.

Дверь возка распахнулась, выбросив облако пара, винного духа, громкие голоса и залиvistый смех. Первой на свет божий выпала на четвереньки в снег ярко покрашенная блондинка со сбитой набок прической. В ворота распахнутого полушубка заманчиво колыхнулась крупная грудь. За первой девицей спрыгнула вторая, чернявенькая, лет на десять младше товарки.

— Ой, Катька, тебе все бы лежать! — Чернявая помогла блондинке подняться. Обе хреновенько держались на дрожащих ногах и, судя по осоловелым глазенкам, плохо соображали, что происходит и каким поганым ветром их сюда занесло.

— И где дворец обещанный? — изумилась названная Катериной, капризно кривя пухлые губы.

— Видать, эти развалины он и есть, — истерично рассмеялась чернявая.

— С милым, девочки, рай и в шалаше! — донесся знакомый писклявый голосишко, и чудесный возок, рождающий шальные мысли и полураздетых пьяненьких баб, исторг низенького несуразного человека. Или не человека...

Бучила не поверил глазам, увидев продвунную мохнатую рожу, нос пятаком, ослиные уши и маленькие загнутые рога. В Нелюдово

собственной персоной, с шиком и блеском явился ведьмин услужник и покоритель козьих сердец, черт Василий, ряженный в шикарную соболиную шубу и шитые золотом сапоги. За спиной блудного черта маячила еще одна, явно не обремененная тяжестью поведения дама.

— Заступушка, дорогой! — Васька, смешно переваливаясь, кинулся навстречу и заключил опешившего Руха в объятия.— Я так скучал, так скучал, мон ами.

— Ага, так скучал, что за два года ни единой весточки не прислал,— укорил Бучила.— И с какой стати ты по-нашему заговорил?

— В Новгороде, среди приличных людей, нынче в моде французский, мон шер.— Васька прижался к его груди.

— Значит, в столице обретался, шельмец? — удивился Бучила.

— О да, мон кёр,— счастливо всхлипнул Василий.— Новостей у меня целая куча. Не томи гостей, веди в палаты. Прошу знакомиться. Девочки — это Рух Бучила, местный Заступа и лучший из вурдалаков, которых я только знал. Рух, это мадмуазель Катерина, мадмуазель Софи и мадмуазель Натали. Знатные и благородные дамы.

— Шлюхи?

— Самые лучшие! — воздел кривой палец черт.— Сам выбирал. Прохор!

— Чего, барин? — густым басом отозвался хмурый возница.

— Мон шарман, Прохор, будь любезен перетащить припасы, куда укажет дражайший

Заступа.— Васька хлопнул Бучилу по плечу.— У меня тут четверть водки, бочонок вина для милых дам, копченый окорок и по мелочи всякого. Ты в своем захолустье такого и не видал. Гуляем, мон сеньор Рух!

— Деньги откуда? — поинтересовался Бучила.

— Наследство, мон шер, удивительная история, как-нибудь обязательно расскажу! — Васька увлек Руха к лестнице в подzemелье.— Барышни, прошу за нами! Вперед, мон ами, вспоминать былое и напиваться до беспмятства!

Рух улыбнулся и первым шагнул в темноту, радуясь появлению Васьки, продажных женщин и дармового вина.

Перед рассветом по новгородскому тракту к воротам спящего Нелюдова подъехали двое конных, увитых клочьями ледяного тумана, волчьим воем и темнотой. С ног до головы закутанные в выдавшие виды дорожные плащи. Глухо били по смерзшемуся насту копыта, едва слышно звякали стремена. Заспанный стражник на башне выставил в бойницу самострел и строго спросил:

— Кто такие?

— Мимохожие,— отозвался первый из всадников неприятным скрипучим голосом.— С нами не будет хлопот.

— Проезд в село до рассвета закрыт,— предупредил бдительный страж.

— Видали мы твое убогое село,— фыркнул второй.— Если бы было...

— Подожди,— прервал первый, и напарник послушно оборвал высокомерную речь.— Мы не хотим посещать ваше благословенное село,— продолжил обладатель неприятного голоса. Слова будто продирались из глотки.— Нам нужны сведения. Подскажи, о смелый страж, не проезжал ли здесь вчера приметный возок, крашенный красным и запряженный четверкой гнедых?

— Не видел я ничего,— буркнул страж.

— А если так? — В морозном воздухе мелькнула крохотная тень, влетела в бойницу, ударилась стражнику в грудь и упала к ногам. Он скосил глаза и в свете масляной лампы увидел на полу медный гривенник с новгородским лютым зверем на реверсе.

— А может, и видел,— откашлялся страж.— Вчера, после обеда, похожий возок проехал мимо, свернул к Лысой горе.

— Лысой горе?

— Дальше по тракту и первая отворотка налево,— пояснил страж.— Там, в развалинах старых, наш Заступа живет. Упырь и проклятая душа. Рухом Бучилой зовут.

— Слышал? — спросил обладатель мерзкого голоса.— Заступа.

— Тем интересней,— отозвался напарник, и оба сорвались в галоп.

Страж поднял гривенник, осмотрел, сунул в карман и когда снова выглянул в бойницу, странные гости были уже далеко, оставив после себя странное тревожное чувство. И тревога переросла в лютый страх. Страж перекрестился и зашептал молитву, только сейчас

поняв, что у незнакомцев из-под капюшонов не вырывался морозный парок.

Рух проснулся и некоторое время пялился в сводчатый потолок, не сразу вспомнив, где находится и как сюда угодил. Ах да, точно, Васька же в гости вчера прикатил. Оттого башка и болит. Гульнули на славу, чего грехато таить. Почаще бы так. Рядом, вольготно разметавшись на шкурах и простынях, посапывали обнаженные бабы. Васька дрых на полу в обнимку с бутылкой, поджав копыта и подергивая хвостом. От натопленной печи волнами шло расслабляющее тепло. Рух осторожно выкарабкался из сплетения рук, ног и всяческих прелестей, слез с ложа и подкинул в потухший камин охапочку дров. В виске забилась тонкая жилка. Что-то было не так. Поганое ощущение чужого присутствия, и дело было не в Ваське и шлюхах.

Бучила недовольно поморщился, накиннул шубу на голое тело и пошлепал по коридорам, заглядывая во все двери, попадавшие по пути, и находя лишь темноту, паутину и тлен. Он вошел в комнату жен и нехорошо усмехнулся. Посреди зала, заполненного иссохшими трупам, в пятнах света, льющегося из трещин на потолке, застыли двое в черных плащах.

— Здорово, самоубивцы,— поприветствовал Рух.

— Здравствуй, Заступа,— отозвался один из незнакомцев. Голос был неприятен, напоми-